

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

БЕТОННОЕ АЛИБИ

Николай Иванович Леонов
Алексей Викторович Макеев
Бетонное алиби
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73844153
ISBN 978-5-04-245816-3

Аннотация

Легендарный детективный тандем Леонов – Макеев.

На одном из крупных строительных объектов в Москве происходит обрушение опорных конструкций. Под развалинами находят погибшим главного инженера строительства Анатолия Корнеева. На первый взгляд, это несчастный случай. Однако полковники МВД Гуров и Крячко устанавливают, что смерть Корнеева наступила не в результате обрушения, а за несколько часов до аварии. А подстроенная катастрофа стала способом скрыть истинную причину его гибели. Сыщики пытаются выяснить, кому выгодна эта смерть. И вскоре сами становятся объектом покушения расчетливого злодея...

Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом.

Главный герой этих книг – полковник Лев Гуров, сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

Содержание

Бетонное алиби	6
Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	31
Глава 3	44
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николай Леонов, Алексей Макеев Бетонное алиби

© Макеев А. В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Бетонное алиби

Пролог

Офисный комплекс «Сибирский квартал» в новом столичном районе Солнцево-парк замер в ночной тишине. За стеклопакетами панорамных окон простиралась неоновая паутина спящего мегаполиса, но здесь, на двадцать восьмом этаже, жизнь еще теплилась. Свет одной-единственной настольной лампы выхватывал из полумрака угловой кабинет с выцветшей табличкой «Главный инженер проекта».

Анатолий Иванович Корнеев, мужчина лет пятидесяти пяти с уставшим, испещренным морщинами лицом и седой у висков, сидел за своим массивным дубовым столом, казавшимся островом порядка в хаосе развернутых чертежей и технической документации. Позади остался долгий, изматывающий день, наполненный предсдаточными проверками и нервными согласованиями. Федеральный технопарк «Енисей» – флагманский проект корпорации «СтальИнвестПроект» – был на финишной прямой. Сдача объекта намечалась через три недели, и каждый час был на счету. Почти физически ощущаемое давление сроков висело в воздухе, густом от запаха свежей краски, дорогой древесины и пыли от архивных папок.

Он провел ладонью по лицу, смазывая усталость, впившуюся в кожу будто песок. Последним пунктом в его ежевечернем ритуале была рутинная, почти механическая сверка финальных товарных накладных от генподрядчика, ООО «СтройГарант», с актами выполненных работ. Бумаги лежали идеальными стопками, как солдаты на параде. Все было подписано, заверено, одобрено. Казалось, ничто не предвещало бури.

Его взгляд упал на небольшой, серый, ничем не примечательный бетонный куб, служивший ему пресс-папье. Технологический образец, взятый им тайком с последней поставки для негласного контроля. Сувенир для самого себя, молчаливый свидетель масштаба сделанного. Или, как выяснилось в этот роковой вечер, – масштаба предательства.

Пальцы привычно скользили по колонкам цифр в накладной № 387-К/2024, сверяя их с данными в электронной базе. Марка бетона М500-В40-W12-F300 (морозостойкость F300, водонепроницаемость W12), партия 1147, вес – 8,5 кубометра, время отгрузки – 14:30. Все совпадало до последней запятой. Но его внутренний компас, откалиброванный тридцатью годами на стройках от Магадана до Калининграда, бешено вращался, указывая на ложный курс. Что-то било по нервам, тонкий, но неумолимый сигнал тревоги.

Он отложил распечатку и взял в руки бетонный куб. Включил мощную дизайнерскую лампу и поднес образец к свету. И вот оно. Он был слишком легким. Не критично, но

для его руки, державшей тысячи таких образцов, разница была ощутима. А главное – структура. Пористость, видимая невооруженным глазом, мелкие, частые раковины, неровный излом. Это не соответствовало заявленной высокой марке прочности. Это был не М500. Это был его жалкий, хлипкий родственник, М200 в лучшем случае, годный разве что для садовых дорожек и временных построек, но никак не для несущих колонн федерального технопарка.

«Вот он, краеугольный камень всего проекта, – пронеслось в голове Корнеева холодной и тяжелой волной, смывающей все остальные мысли. – Буквально. Подменили. Не одну партию, не две. Они подменили весь объем, идущий на критичные узлы. Десятки тысяч кубов. Разница в цене – сотни миллионов... И я... я, Анатолий Корнеев, своей подписью это узаконил. Все акты приемки, все накладные – моя виза. Моя репутация, честь, вся моя жизнь, отданная стройке, – все это теперь залито этим суррогатом, этой пылящей мукой».

Он резко, почти с ненавистью отшвырнул куб от себя. Тот с глухим костяным стуком покатился по полированной поверхности стола, оставляя за собой мелкую белую пыль. Пыль обмана. Символ грядущего разрушения.

Адреналин, едкий и жгучий, ударил в виски, заставив кровь бежать быстрее, вытесняя усталость животным страхом. Мысли пронеслись вихрем. Нужно было действовать. Немедленно. Еще не все потеряно. Возможно, это чья-то ло-

кальная махинация. Возможно, все не так плохо. Потому что, если... Если все так, как он думает сейчас, дело пахнет тюрьмой. Или чем-то похуже.

Корнеев схватил свой личный, нигде не зарегистрированный телефон, его пальцы дрожали, сбиваясь с номера. Он набрал тот самый, «золотой» номер, который полагалось использовать только в случае апокалипсиса.

Гудки. Один. Два. Три. Казалось, прошла вечность.

– Алло? – голос абонента был ровным, спокойным, слегка сонным. Он явно отвлекался от чего-то другого.

Инженер выдохнул, с трудом контролируя дрожь в голосе:

– Это Корнеев. Простите за беспокойство, но... это чрезвычайной срочно.

– Анатолий Иванович, – в голосе послышалась легкая раздраженная нотка. – Я на семейном ужине. В чем вопрос? Говорите быстро.

– Вопрос в бетоне! – почти крикнул Корнеев, понижая голос уже постфактум. – Тот самый, из последних партий для силового каркаса «Енисея». Он не соответствует! Я проверил контрольный образец. Это не М500! Это катастрофа, вы понимаете? При первой же глубокой проверке, при любой независимой экспертизе – все всплывет! Все наши акты...

– Анатолий Иванович, успокойтесь, – голос бесстрастно, почти механически прервал его. Насмешка была физически ощутимой. – Все документы, как вы сами знаете, в идеальном порядке. Вы лично их проверяли и подписывали. Ни-

какой катастрофы нет. Вам, вероятно, показалось. Вы очень перегружены, проект на финише. Возьмите выходной.

– Мне не показалось! – Корнеев вскочил с кресла, сжимая телефон так, что треснул корпус. – Я требую немедленно остановить приемку и инициировать внутреннюю проверку! Я не могу допустить, чтобы технопарк, в который вложены миллиарды, превратился в братскую могилу! Я...

– Анатолий Иванович, – голос в трубке внезапно потерял и тень учтивости, став плоским и металлическим. – Вы ничего не будете требовать и ничего не будете инициировать. Займитесь своей прямой работой. Обеспечьте сдачу объекта в срок. Остальное... – собеседник сделал театральную паузу, – не ваша забота.

Раздались короткие, отрывистые гудки. Тишина в кабинете сгустилась, стала давящей, зловещей, наполненной незримой угрозой.

Паника, черная и липкая, сжимала горло, подступая к глазам. Он чувствовал себя загнанным зверем в клетке собственного кабинета. Мысли метались, пытаясь найти выход там, где его не было. Бежать? Куда? Звонить в полицию? И что сказать? «Меня хотят убить, потому что я соучастник в хищении средств на строительстве технопарка "Енисей"?» Его самого же первого и посадят.

Но многолетняя, вымуштрованная привычка к порядку и системности взяла верх над эмоциями. Инженерная логика диктовала свой алгоритм. Если придут – а они придут, он в

этом не сомневался, – они попытаются уничтожить все улики, которые могут их изобличить. Значит, его задача – спасти хотя бы часть доказательств. Сделать так, чтобы правда не умерла вместе с ним.

Он рванулся к старому зеленому сейфу «Главснаба» образца 80-х, стоявшему в углу кабинета и считавшемуся анахронизмом. Быстро, на автомате, прокрутил код – дата рождения дочери. Дверь со скрипом открылась. Внутри, за пачками официальных бланков, лежали его черновые рабочие тетради, флешка с резервными копиями всех рабочих файлов за последний год и... тот самый, самый первый акт приемки № 001, где он карандашом, на полях, мелким почерком написал: «Прочность образца вызывает вопросы. Требуется повторная проверка в лаборатории». Но потом был звонок высокого начальства, намеки на «недоверие», «срыв сроков» и «последствия». И он, сжав зубы, поставил свою размашистую подпись. Улика его собственной слабости, его морального падения.

«Флешка – первое дело. Ее они изымут и уничтожат, если найдут. Но автономные копии... копии есть в зашифрованном облаке, доступ к которому привязан к моему личному, никому не известному почтовому ящику. Пароль... нужно его сменить, усложнить. Надо прятать то, что не в Сети. Образец бетона. Черновики. Положить в коробку со старыми журналами и сувенирами – они не станут туда лезть. Надо замести следы. Чтобы потом кто-то нашел. Кто-то, кто не

побоится копнуть».

Он наклонился и вытащил из-под стола картонную коробку из-под офисной бумаги, на дне которой лежали старый инженерный калькулятор, пара зачитанных технических справочников и подаренная дочерью дорогая перьевая ручка, которой он так и не решился пользоваться. Сверху, под смятыми листами старой газеты «Строительный вестник», он бросил злосчастный бетонный куб и папку с самыми важными черновиками. Он действовал быстро, почти не глядя, на ощупь, всем существом прислушиваясь к тишине за тяжелой дубовой дверью.

Именно в этот момент, когда он пытался задвинуть коробку поглубже под стол ногами, он их услышал. Шаги. Не случайные, не блуждающие. Быстрые, уверенные, отмеряющие четкий, неумолимый ритм по пустому, заглушенному ковровым покрытием коридору. Не ночная уборка с грохочущей тележкой, не дежурный инженер с потухшим взглядом. Эти шаги знали, куда идут. Они не сбивались с пути, не замедлялись у других дверей. Они направлялись прямо к его кабинету. Прямо к нему.

Ледяная волна страха, настоящая, физиологическая, прокатилась по всему телу, сковывая мышцы. Сердце заколотилось где-то в основании горла, выстукивая сумасшедшую, аритмичную дробь. Ладони мгновенно стали влажными и холодными, как у покойника. Он инстинктивно отпрянул от коробки, отшвырнув ее окончательно в темноту под столом,

и выпрямился, пытаясь сделать вид, что просто работает. Времени на баррикады, на отчаянное сопротивление не было. Совсем.

Уже здесь. Так быстро... Значит, приказ был отдан сразу после его звонка.

Он сделал последний рывок – не к двери, а к столу, пытаясь придать лицу хоть какое-то подобие спокойствия, прикрыть ладонью предательски вздымающуюся грудь. Он стоял, опершись о столешницу, пытаясь хоть как-то обрести опору в этом рушащемся мире, и смотрел на матовую хромированную дверную ручку. Она плавно, без единого звука, без предупреждающего щелчка, повернулась.

Дверь бесшумно открылась. Он увидел ночного визитера. Но не увидел самого удара. Лишь короткое, стремительное движение тени, мелькнувшее в периферийном зрении. Острая, ослепляющая до тошноты боль в затылке поглотила все – и мысли, и страх, и саму темноту, наступившую вслед за ней. Он не услышал глухого стука своего тела о ковер.

Тишина.

Она была абсолютной, завершенной, как в саркофаге. Лишь слабая, затухающая вибрация от шагов удаляющегося убийцы, волочащего труп, на мгновение нарушила ее, чтобы затем снова воцариться в кабинете, где на столе под светом лампы лежали безупречно подписанные акты, а под столом, в пыльной картонной коробке, ждал своего часа кусок бетона и спрятанные документы.

Глава 1

– Входите, не стойте в дверях, как гости незваные.

Голос генерала Орлова, низкий, слегка хрипловатый от утреннего кофе и двух пачек «Беломора» в молодости, донесся из-за массивного дубового стола еще до того, как Гуров и Крячко полностью перешагнули порог кабинета. Помещение на седьмом этаже главного здания уголовного розыска пахло, как всегда, старой кожей, пылью архивных папок и скрытым напряжением. Полковник Лев Иванович Гуров отметил это привычным внутренним кивком – вот запах его профессиональной жизни. Он вошел первым, его высокий, слегка сутулый силуэт в практичном темно-сером костюме отбрасывал четкую тень на полированный паркет. За ним, на полшага сзади, двигался Станислав Крячко – компактный, плотный, с быстрыми, оценивающими глазами, которые уже сканировали комнату, ища подсказки в обстановке.

Генерал Петр Николаевич Орлов не поднял головы, изучая развернутый перед ним лист. Его седая, коротко стриженная голова была резко освещена настольной лампой с зеленым абажуром, реликтом семидесятых. Свет выхватывал жесткие складки у рта и глубокую вертикальную морщину между бровей – морщину постоянной ответственности. Гуров, стоя по стойке смирно, ловил знакомые ноты в его интонации: привычную педантичность, тщательное взвешивание

каждого слова, но под ней – тонкую, едва уловимую струну тревоги. Не страха, нет. Орлов не боялся. Но тревоги человека, который видит минное поле и обязан отправить на него своих саперов. Это было «дело с подтекстом», «заказ сверху». И эта мысль, молнией проскочившая в сознании Гурова, вызвала у него сдержанное, почти незаметное раздражение – холодный комок где-то под ребрами. Еще одна битва, где правда будет не целью, а разменной монетой в чьей-то большой игре. Его пальцы, спрятанные в карманах брюк, произвольно сжались.

– Садитесь, – наконец поднял глаза Орлов, откинувшись в кресле. Его взгляд, серый и пронизательный, как сканер, перешел с Гурова на Крячко и обратно. – Кофе будете?

– Мы уже, Петр Николаевич, – отозвался Крячко, с легкостью опускаясь в кожаное кресло. – У Верочки взяли. Она, как всегда, ангел во плоти.

– Ангел, – фыркнул Орлов без тени улыбки. – Ладно. Время – деньги, которых у нас, как обычно, нет. Дело. Москва, новый район Солнцево-парк, строящийся федеральный технопарк «Енисей». Корпорация «СтальИнвестПроект», генподрядчик – ООО «СтройГарант». Позавчера, в двадцать три ноль-ноль, произошло частичное обрушение конструкции на этапе финишной отделки. Панель перекрытия между третьим и четвертым этажом в блоке «А». Площадь примерно двести квадратов. Жертв, по первым сообщениям, нет.

Он сделал паузу, давая информации осесть.

Гуров молчал, его мозг уже работал, отсекая лишнее: строительная авария, резонансная, но не их профиль до тех пор, пока...

– Вчера утром, в процессе разбора завалов силами МЧС, – продолжил Орлов, и его голос стал чуть тише, чуть ровнее, что всегда было плохим знаком, – обнаружено тело. Мужчина. Предварительная идентификация – Анатолий Иванович Корнеев, пятьдесят пять лет, главный инженер проекта «Енисей» со стороны «СтальИнвестПроекта». Тело находилось в эпицентре обрушения, практически под плитой.

Крячко свистнул почти неслышно.

– И что, Петр Николаевич, он туда сам лег вздремнуть в неудачный момент? Или это новый метод контроля качества – проверять прочность головой?

– Станислав, – тихо сказал Гуров, не отводя взгляда от Орлова.

В его голосе прозвучало не столько одергивание, сколько констатация факта: сейчас не время для шуток.

Орлов кивнул, благодарный за эту смену тона.

– Местное управление Следкома оформило все как несчастный случай на производстве. Тело направлено в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Заключение пришло сегодня на рассвете. Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы, вызванной ударом тупым тяжелым предметом по затылочной области. Время смерти – за двенадцать-четырнадцать часов ДО обрушения конструкции.

Тишина в кабинете стала густой, физически ощутимой. Гуров почувствовал, как холодное раздражение под ребрами кристаллизовалось во что-то другое – острое, цепкое, знакомое щемящее чувство начала охоты. Это был не инцидент. Это был спектакль. И они только что получили билет в первый ряд.

– Значит, акт следкома о несчастном случае составлен ДО получения заключения судебно-медицинской экспертизы? – уточнил он, и его голос стал суше, острее.

– Составлен вчера вечером, сразу после завершения осмотра места происшествия. Экспертизу я запросил по своей линии, параллельно. Поэтому они и получили ее только на рассвете, – ответил Орлов, его пальцы постукивали по папке. – А теперь слушайте внимательно. Дело, со всеми вытекающими, включая этот вопиющий процессуальный прокол, передается к нам в главк. Расследовать будете вы. Ты и Станислав.

Он потянулся к папке и извлек два листа с гербовой печатью.

– Официальное поручение. Провести проверку по факту обнаружения тела с признаками насильственной смерти на территории строящегося объекта федерального значения. Согласовано на самом верху. Но, – он снова сделал ту многозначительную паузу, – есть нюанс. Со стороны корпорации и подрядчика уже поступили... запросы. Очень настойчивые. О необходимости минимизировать репутационные потери,

не допустить паники среди инвесторов и, что важнее, не сорвать сроки сдачи объекта. Технопарк «Енисей» – проект с приставкой «национальный». За ним следят. Очень внимательно.

– То есть нам говорят: нашли убитого – хорошо, работайте, но аккуратно, чтобы никого не задеть, – перевел Крячко, и в его голосе зазвучала привычная циничная нота.

– Не говорят. Намекают. Очень прозрачно, – поправил Орлов.

Он посмотрел прямо на Гурова.

– Лев, я знаю твои принципы. Но здесь... давление будет колоссальным. Административный ресурс у них – на уровне министерств. Любое твоё движение, любой запрос попытаются затормозить, замучить согласованиями, потерять. Ты должен быть не просто точен. Ты должен быть безупречен. Каждый твой шаг – с опорой на железобетонные факты и пункты уголовно-процессуального кодекса. Понятно?

Гуров медленно кивнул. Внутренний монолог уже набирал обороты, но внешне он оставался спокоен, как поверхность глубокого озера. Безупречен. Железобетонные факты. Ирония в том, что, судя по всему, сам бетон там как раз и не железный. «Они хотят, чтобы мы работали по их алгоритму: шумиха – формальное расследование – вывод о несчастном случае с элементами халатности – наказание стрелочника. А я смотрю на эти цифры: смерть за полсутки до падения плиты. И вижу не алгоритм, а режиссуру. Тщательную, цинич-

ную, дорогую. Кто-то посчитал, что проще устроить маленький апокалипсис, чем убирать одного инженера тихо. Значит, инженер был не простой. Значит, то, что он знал, стоило дороже, чем ремонт двухсот квадратов перекрытия».

– Понятно, Петр Николаевич, – сказал он вслух, принимая папку. – Первичный рапорт от Следкома есть?

– Есть. Поверхностный, как лужа. Осмотр места происшествия провели вчера вечером, уже после извлечения тела и основной части завалов. Акцент на технической причине аварии. Фотофиксация скудная. – Орлов протянул еще одну тонкую папку. – Все, что у них есть. Ваш выход.

Служебный полностью затонированный микроавтобус «Форд Транзит» мягко катил по еще не до конца обжитым проспектам Солнцево-парка. За стеклами мелькали зеркальные фасады новостроек, стерильные газоны и пустые детские площадки – декорации к жизни, которую только предстояло заселить. Крячко, уткнувшись в планшет, бормотал что-то под нос, выуживая первые крохи информации об ООО «СтройГарант». Гуров молча смотрел в окно, но его мысли были уже там, на месте. Он чувствовал знакомое предвкушение, смешанное с горечью. Еще одна смерть, которую пытались спрятать за фасадом бюрократии и бетона.

Объект «Енисей» оказался громадным, футуристическим комплексом из стекла и стали, напоминавшим гигантский кристалл, выросший в землю. Но на его теле зияла черная, безобразная рана. Один из корпусов, ближе к тыльной стороне,

был частично скрыт строительными лесами и брезентом, но даже с расстояния была видна зияющая дыра в этажах, как выбитый зуб. Вокруг суетились люди в касках и оранжевых жилетах – МЧС, строители, представители подрядчика. Работа кипела, но Гуров, едва выйдя из микроавтобуса, уловил странный диссонанс.

– Смотри, Стас, – тихо сказал он, надевая бейдж на шнурке с гербом МВД. – Работа идет. Но не по поиску следов преступления. Они расчищают. Убирают. Стирают картину.

Действительно, основное внимание спасателей и рабочих было направлено не на консервацию места возможного убийства, а на скорейший разбор и вывоз обломков. Кран осторожно поднимал крупные фрагменты бетонной плиты, погрузчики сновали туда-сюда. Охрана на КПП, завидев их, засуетилась, один из охранников что-то быстро говорил в рацию.

К ним направился мужчина лет сорока в белой каске с надписью «СК», в строгом темном пальто поверх костюма. Лицо уставшее, с отсутствующим выражением.

– Полковник Гуров? Полковник Крячко? – спросил он, слегка кивнув. – Старший следователь Солнцевского управления Следственного комитета Иванов. Вас ожидали. Прощу.

Он повел их по периметру, огороженному желтой лентой с привычной надписью «Место происшествия». Внутри здания царил полумрак и стоял едкий запах бетонной пыли,

разогретого металла и чего-то еще, сладковатого и неприятного – запах недавней катастрофы. Свет пробивался сквозь дыру в перекрытиях, освещая хаос из арматуры, обломков, оборванных проводов и кусков гипсокартона. Гуров остановился, медленно поворачивая голову. Его взгляд, тренированный годами, выхватывал детали.

– Покажите, где нашли тело.

– Здесь. – Иванов указал на пространство прямо под краем зияющей дыры. На бетонном полу все еще виднелся меловой контур, искаженный, неестественно скрюченный. Рядом – несколько пронумерованных пластиковых маркеров. – Лежал лицом вниз. Частично придавлен мелким обломком. Но, как вы знаете из заключения...

– Да, знаем, – перебил Гуров, не отводя взгляда от контура.

Он присел на корточки, внимательно рассматривая пол. Бетон был покрыт слоем серой пыли и мелкой крошки, но в радиусе метра от контура он заметил странную аномалию: пол был чище. Как будто его подметали. Или что-то убрали.

– Осмотр проводили после извлечения тела и начала расчистки?

– Фактически – да, – признался Иванов, и в его голосе послышалось оправдание. – Приоритет был за МЧС – обеспечить безопасность, не допустить дальнейших обрушений. Мы работали в их графике.

Гуров молча кивнул, встал и подошел к краю обрушения.

Он заглянул вниз, на нижний этаж, заваленный грудой бетона. Потом поднял глаза на торец обрушившейся плиты. Срез был неровным, арматура торчала, как разорванные сухожилия. Но его внимание привлекло не это. В нескольких метрах от края, на еще стоящей части перекрытия, он увидел два небольших, аккуратно уложенных стопкой блока из ячеистого бетона. Они явно не были частью конструкции. Они были подставкой. Опорой.

– Что это? – спросил он, указывая.

Иванов пожал плечами:

– Строительный мусор. Их тут везде полно.

– Мусор, который сложен в пирамидку? – вступил Крячко, подходя ближе. – Похоже на временную опору. Чтобы плита не просела сразу.

Гуров не ответил. Он отошел и дал себе время просто наблюдать. Слаженная работа МЧС была впечатляющей: люди четко знали свои задачи, техника работала как часы. Но вся эта эффективность была направлена на одну цель – ликвидировать последствия. Сделать так, чтобы от катастрофы осталась лишь память и отчет. Никто здесь не искал причину. Они уже ее знали: «технологическое нарушение», «ошибка в расчетах», «человеческий фактор». Удобная, гладкая версия, которая всех устроит. Под тоннами бетона и этой бумажной волокиты можно похоронить что угодно. Даже убийство. И в этом чудовищная ирония, думал Гуров, глядя на искореженную арматуру. Бетон. Символ надежности, проч-

ности, фундаментальности. Основа современного мира. А здесь он стал идеальным инструментом маскировки. Гробом и маскировочной сеткой одновременно. Убили человека, а потом устроили ему самые дорогие похороны в мире – под обломками национального проекта. Чтобы даже смерть его служила чьей-то прибылью.

– Акт осмотра тела у вас при себе? – спросил он, обрывая свой внутренний монолог.

– Копия, – Иванов достал из портфеля заламинированный лист. – Оригинал в Бюро судмедэкспертизы.

Гуров принял документ. Его глаза быстро пробежали по сухим, казенным строчкам. «...обширная гематома в затылочной области... линейный перелом затылочной кости с распространением на основание черепа... отсутствие характерных повреждений от сдавливания или воздействия обломков строительных конструкций... в раневом канале обнаружены микрочастицы, предварительно идентифицированные как полимерное покрытие, возможно, от рукояти инструмента...» Это был язык фактов, неумолимый и точный. Он не оставлял места для версии о несчастном случае.

– Свидетели? Камеры?

– Объект на этапе стройки. Камеры только на периметре и складах. Внутренние не подключены. Свидетелей, видевших Корнеева в день исчезновения, опрашиваем. Пока ничего существенного. Последний раз его видели в его кабинете в административном корпусе примерно в восемнадцать

ноль-ноль. Ушел, сказал, что задержится. Больше никто не видел.

– А кабинет его осматривали?

Иванов снова сделал то движение плечами, которое стало уже его визитной карточкой – жест человека, который делает то, что может, а не то, что нужно.

– Оперативники из местного УВД провели поверхностный осмотр. Беспорядка не обнаружили. Взяли в работу компьютер, личные вещи. Ничего криминального.

Гуров и Крячко обменялись быстрыми взглядами. В этом одном слове – «поверхностный» – крылась вся суть. Дело уже было помечено как незначительное, второстепенное по сравнению с громкой аварией.

– Хорошо, – сказал Гуров, возвращая акт. – Мы ознакомились. Станислав, тебе есть что добавить?

Крячко, который все это время тихо переговаривался по телефону, оторвал трубку от уха.

– Да. По Корнееву. Инженер старой закалки, с безупречной репутацией. Не замечен в связях с темным прошлым, не игрок, не пьяница. Женат, взрослая дочь. Коллеги отзываются как о педанте и профессионале. Но вот что интересно: по неофициальным каналам проскакивает, что в последние недели он нервничал. С кем-то конфликтовал на объекте. Детали уточняю.

Гуров кивнул. Первая ниточка. Конфликт – всегда мотив. Особенно на такой стройке, где крутятся миллиарды.

– Благодарю, товарищ следователь, – обратился он к Иванову. – Мы закончили здесь. Прошу обеспечить нам доступ в кабинет Корнеева и ко всей проектной документации по объекту.

Обратно они ехали молча. Гуров сидел на пассажирском сиденье за водителем, его профиль был обращен к окну, но взгляд был устремлен внутрь. Затонированные стекла отсекали суету внешнего мира, превращая салон микроавтобуса в капсулу, плывущую в беззвучном вакууме. Шум двигателя был приглушенным, далеким. Это была его «зона замедления», момент, когда стремительный темп процедурала сменялся медитативной глубиной.

Он закрыл глаза, давая картинам с места обрушения всплыть в памяти снова, но уже в отстраненном, аналитическом ключе. Контур тела. Чистый участок пола. Аккуратно сложенные блоки. Линейный перелом затылочной кости. Это не был хаос аварии. Это была геометрия. Геометрия обмана. Кто-то вычислил, спланировал, измерил. Убил инженера на стройплощадке (или убил прямо там, в кабинете, что вероятнее, а потом – привез на стройку). Дождался ночи. Подложил под плиту те самые блоки, создав точку критического напряжения. И устроил контролируемое обрушение именно там, где лежал труп. Все для того, чтобы смерть от удара тупым предметом выглядела как следствие падения многотонного бетона. Просто, гениально и чудовищно цинично.

Он открыл глаза. Микроавтобус уже въезжал в городскую сутолоку.

– Ну что, Лев, – нарушил тишину Крячко, откладывая планшет. – Чувствуешь скелет в шкафу? А точнее, в бетономешалке.

– Чувствую, Стас, – ответил Гуров, поворачиваясь к нему. Его лицо оставалось непроницаемым, но в уголках глаз дрогнули лучики мелких морщин – знак внутренней работы. – И скелет этот в дорогом костюме. Давай распределимся. Я займусь официальной частью: запрошу все акты приемки работ по этому узлу, техническое заключение о причинах обрушения от независимой экспертизы (не от той, что нанял подрядчик), детальный акт СМЭ. И найду того инженера-эксперта, который готов будет под микроскопом разобрать, почему плита упала именно так, а не иначе.

– А я, – подхватил Крячко, потирая руки, – отправляюсь в народ. Поговорю с коллегами Корнеева, со строителями, с мелкими подрядчиками. Узнаю, с кем он конфликтовал, кому мог перейти дорогу. И покопаюсь в финансовых потоках «СтройГаранта». Если там замешаны большие деньги – а они замешаны, иначе зачем такая театральность, – то след должен вести к тем, кому выгодна подмена материалов или распил бюджета.

– Именно, – кивнул Гуров. – Ты – полевая разведка. Я – артиллерийская подготовка документами. Орлов прав: каждое наше движение должно быть прикрыто бумагой с печат-

тью. Иначе нас быстро поставят на место.

Крячко усмехнулся, его широкое лицо озарилось знакомой, чуть хищной улыбкой.

– Понимаешь, в чем прелесть этой бетонной гробницы? Все думают, что правду замуровали навеки. А на самом деле они ее только законсервировали. Как в пирамидах. Осталось вскрыть саркофаг. Правда, вместо мумии там будет какой-нибудь чиновник в дорогих часах.

– Не торопись с саркофагами, – сказал Гуров, но в его голосе звучала не суровость, а скорее, предостережение товарища. – Сначала нужно найти гробокопателей. А они, судя по размаху, очень высоко сидят и любят, когда все красиво и тихо.

Кабинет Гурова был аскетичен: стол, компьютер, два телефона (служебный и «особый»), стеллаж с кодексами, справочниками и папками текущих дел. Ничего лишнего. Он сидел за столом, перед ним лежала стопка распечаток – первые ответы на запросы. Предварительное техническое заключение от Центра независимой строительной экспертизы уже было у него. Коротко, без эмоций: «...обрушение спровоцировано созданием локальной точки критической нагрузки в виде несанкционированной временной опоры... характер разрушения указывает на предварительное ослабление конструкции в данном узле, возможно, вследствие использования материалов, не соответствующих проектной марке прочности...»

Он отложил лист. Улики складывались в мозаику, еще неполную, но уже с четким контуром. Убийство. Инсценировка аварии. Возможная подмена материалов. Финансовые махинации. И везде – след большого, уверенного в себе аппарата.

Дверь открылась без стука. Вошла секретарша Орлова, Верочка, хрупкая женщина лет пятидесяти с умными, добрыми глазами. В руках она держала коричневый картонный конверт.

– Лев Иванович, вам. Из Бюро СМЭ. С нарочным.

– Спасибо, Вера.

Конверт был плотный, на нем гриф «Для служебного пользования». Гуров вскрыл его ножом для бумаг. Внутри лежал официальный, итоговый акт судебно-медицинской экспертизы. Он развернул его и начал читать, пропуская формальности, выхватывая суть.

«...На основании макро- и микроскопического исследования, а также данных судебно-химического и биологического анализов УСТАНОВЛЕНО: смерть гр-на Корнеева А. И. наступила в результате черепно-мозговой травмы, причиненной ударом тупого твердого предмета с ограниченной травмирующей поверхностью (предположительно, инструмент типа «молоток» или «монтировка» с полимерной рукоятью) в затылочную область. Травма несовместима с повреждениями, которые могли бы быть получены в результате обрушения строительных конструкций (отсутствие мно-

жественных переломов, признаков сдавливания, характерных загрязнений бетонной пылью в глубине раневого канала). Время смерти определено в интервале между 18:30 и 21:30... В тканях в области травмы обнаружены микрочастицы: полипропилен (синий пигмент), частицы краски темно-синего цвета, а также волокна шерстяной ткани синего оттенка, не принадлежащие одежде потерпевшего...»

Гуров откинулся на спинку кресла. Тихое эхо шагов Корнеева по его кабинету, описанное в оперативной сводке, отдалось в его сознании точным, неумолимым совпадением. Восемнадцать ноль-ноль – его видели последний раз. Восемнадцать тридцать – начало интервала смерти. Он не ушел со стройки. Его убили там. Или почти сразу после ухода. А потом, ночью, когда объект опустел, привезли обратно и устроили этот «несчастный случай».

Но его взгляд зацепился за последний пункт. Микрочастицы. Полипропилен, краска, шерсть. Синий цвет. Это уже не просто констатация убийства. Это первый портрет убийцы. Или его инструмента. Человек, возможно, в синей рабочей одежде или куртке, с синим молотком. Или человек, который тщательно подготовился, но не учел, что современная экспертиза может найти следы даже в ране на затылке.

День подходил к концу, но расследование только начиналось. Гуров положил акт на стол рядом с техническим заключением. Два документа, два неопровержимых факта из разных областей науки, сливались в один вывод. Это не бы-

до убийство В РЕЗУЛЬТАТЕ обрушения. Это было обрушение В РЕЗУЛЬТАТЕ убийства. Маскировка. Режиссура. И та пугающая, идеальная точность – смерть за полсуток до падения плиты, – которая указывала на высоко сидящего, педантичного, уверенного в своей безнаказанности противника. Такого, который считает, что может управлять не только людьми, но и законами физики. И ради этой иллюзии контроля готов обрушить тонны бетона.

Он взял ручку и на чистом листе блокнота вывел: «Корнеев. Убийство. 18:30–21:30. Синие микрочастицы. Подмена бетона? Следствие: 1. Запросить видео с периметра за 12.10, 18:00–06:00. 2. Опросить охрану. 3. Найти источник синего полипропилена на объекте».

За окном сгущались сумерки, зажигались первые огни Москвы. Гуров погасил настольную лампу и сидел в темноте, глядя на светящийся экран компьютера, где был открыт файл с фотографией Анатолия Корнеева – усталое, интеллигентное лицо человека, который верил в прочность материалов и, как выяснилось, жестоко ошибся. В тишине кабинета звучал лишь едва уловимый гул системного блока. Следующий шаг был ясен. Нужно было найти нить, которая вела от этих синих микрочастиц к руке, которая держала молоток. А от нее – к тому, кто отдал приказ.

Глава 2

Утро началось не со звонка, а с прямого вторжения. Гуров только-только успел разложить на столе свежие распечатки банковских выписок, которые Крячко добыл через свои каналы, когда дверь его кабинета распахнулась без стука. На пороге стоял высокий мужчина в безупречном темно-синем костюме.

Игорь Беляев, генеральный подрядчик «СтройГаранта», переступил порог как хозяин. За ним, словно тень, следовал щуплый мужчина в очках с дипломатом – явно юрист. Беляев окинул кабинет быстрым, оценивающим взглядом, как будто прикидывал стоимость ремонта, и его губы сложились в холодную, деловую улыбку.

– Полковник Гуров. Не ожидали? – Его голос звучал бодро, почти дружелюбно, но в глазах не было ни капли тепла.

Гуров медленно откинулся на спинку кресла, не предлагая сесть. Он снял очки, аккуратно положил их на стол поверх выписок и скрестил руки на груди.

– В ГУУР, или Главное управление уголовного розыска, господин Беляев, обычно входят по пропускам и предварительной записи. Или по сопроводительным в наручниках. Вы по какому поводу?

Беляев проигнорировал колкость. Он сделал два шага вперед и уперся ладонями в край стола, наклоняясь к Гурову.

От него пахло дорогим одеколоном и уверенностью.

– По поводу нанесения ущерба государству, полковник. Ваш вчерашний запрос и эта... переквалификация дела парализовали работы на объекте «Енисей». Каждый час простоя – это сотни тысяч рублей прямых убытков. А косвенных – миллионы. Я приехал, чтобы лично объяснить вам простую вещь: пора заканчивать этот фарс.

– Фарс, господин Беляев, – тихо произнес Гуров, – это когда человека убивают ударом по голове, а потом пытаются выдать это за несчастный случай, обрушив на него здание. Это постановка. А мы как раз занимаемся ее разбором. И ваши убытки нас интересуют ровно в той степени, в которой они могут быть мотивом для этого убийства.

Беляев выпрямился, его лицо на мгновение исказила гримаса раздражения, но он мгновенно взял себя в руки.

– Вы оперируете предварительными данными, полковник. Экспертизы можно оспорить. А убытки – они реальные. И за них кто-то должен будет ответить. Или вы хотите взять на себя ответственность за срыв сроков сдачи федерального объекта? За простой тысяч рабочих? За ущерб экономике страны?

Юрист тихо кашлянул и открыл дипломат.

– Мы, конечно, понимаем важность следственных действий, – заговорил он скрипучим, заученным голосом. – Но они должны быть соразмерны. В данном случае тяжелые последствия для государственных интересов явно перевеши-

вают гипотетическую пользу от продолжения расследования по надуманному основанию. У нас есть заключение независимых экспертов о причинах обрушения...

– У меня есть заключение государственного судебно-медицинского эксперта Подольского, – холодно перебил его Гуров. – Оно имеет приоритет. И оно однозначно: убийство. А когда есть труп с проломленным черепом, никакие «государственные интересы» не могут быть основанием для прекращения дела. Это не гипотетическая польза, а прямая обязанность органа следствия. Или вы предлагаете мне нарушить УПК? Уголовно-процессуальный кодекс, – пояснил он.

В кабинете повисло напряженное молчание. Беляев и его юрист переглянулись. Видимо, они рассчитывали на более стоворчивого собеседника. На того, кто испугается слов «государственные интересы» и «ответственность».

– Полковник, давайте говорить начистоту. – Беляев сменил тактику, его голос стал снисходительно-увещающим. – Я понимаю, вы хотите сделать карьеру, раскрыть громкое дело. Но есть нюансы. Очень высокие нюансы. Проект «Енисей» курируется лично заместителем министра Галкиным Виктором Семеновичем. Он крайне обеспокоен сложившейся ситуацией и тем, что отдельные сотрудники правоохранительных органов, преследуя свои узковедомственные цели, наносят ущерб стратегическому партнерству государства и бизнеса. Мы все служим одной стране, не так ли?

– Служим, – сухо ответил Гуров. – Но служим закону. А

закон предписывает расследовать убийства. И не делает исключений для заместителей министров. Ваш аргумент, господин Беляев, я зафиксировал. Теперь мой. В течение трех дней, как и было запрошено, предоставьте всю документацию. Если ее не будет – я получу санкцию на выемку. С участием бойцов ОМОНа. И осветительных телекамер, если понадобится. Это не угроза. Это информация о моих следующих процессуальных действиях. Все.

Он взял со стола ручку и сделал вид, что возвращается к бумагам. Жест был более чем красноречив: аудиенция окончена.

Беляев побледнел. Его деловая маска наконец треснула, обнажив злобу и бессилие.

– Вы... вы сами не знаете, во что лезете, Гуров, – прошипел он, уже не скрываясь. – Вы сломаете себе карьеру. И не только себе. Подумайте о своих близких. О спокойной жизни.

Гуров медленно поднял на него глаза. Взгляд был абсолютно спокойным, почти пустым.

– Это что, угроза, господин Беляев? – спросил он ровным голосом. – Потому что угрозы в адрес сотрудника правоохранительных органов, ведущего уголовное дело, – это отдельная статья. И основание для задержания. Здесь и сейчас. Хотите попробовать?

Юрист схватил Беляева за локоть.

– Игорь Сергеевич, пожалуйста, не надо. Давайте выйдем.

Беляев дернул рукой, скинул хватку, но сделал шаг назад. Он еще раз метнул в Гурова взгляд, полный ненависти, развернулся и вышел, хлопнув дверью. Юрист бросил испуганный взгляд и поспешил за ним.

Гуров сидел неподвижно, слушая, как их шаги затихают в коридоре. Потом глубоко вздохнул.

Как будто в ответ на его мысли зазвонил внутренний телефон. Гуров посмотрел на трубку. Звонил прямой номер Орлова.

Когда Гуров вошел к начальству, было уже глубоко за полночь. В здании главка царила мертвая тишина, нарушаемая лишь гулом серверов где-то на этаже.

Орлов сидел за своим массивным столом, освещенный только настольной лампой с зеленым абажуром. Перед ним стояли две стопки, одна пустая, другая с коньяком. Он не пил. Он ждал.

– Садись, Лева, – сказал Орлов, не глядя на него, жестом указывая на кресло.

Гуров сел. Он знал эту интонацию. Это был не начальнический тон, а дружеский, усталый и очень серьезный.

Орлов налил коньяк в пустую стопку, подвинул ее Гурову, затем налил себе. Но к своему не притронулся.

– Беляев был у тебя, – констатировал Орлов. – Нажаловался. Причем не мне. Мне позвонили. С очень высокого этажа.

– С этажа заместителя министра Галкина? – уточнил Гуров, взяв рюмку.

Орлов кивнул, его лицо в полумраке казалось вырезанным из камня.

– Виктор Семенович Галкин. Куратор проекта «Енисей» со стороны министерства. Человек с огромными связями, собственным пониманием государственных интересов и железной волей. Для него этот проект – не просто стройка. Это личный актив, трамплин, возможно. И сейчас на этом трамплине появилась трещина. В виде убитого инженера. А ты эту трещину не просто обнаружил – ты начал ее раскапывать. И ему это очень не нравится.

Орлов замолчал, глядя на золотистую жидкость в стопке. Потом поднял глаза на Гурова.

– Он передал через третьи руки, но очень четко: дело должно быть закрыто. В рамках несчастного случая. Все экспертизы – отозваны или пересмотрены. Ты – отозван с расследования. Взамен... тебе гарантируют бесконфликтное повышение в следующем кадровом цикле. А Крячко – перевод в более спокойное подразделение. Все тихо, гладко, по-семейному.

Гуров молчал. Он ожидал этого, но слышать это от Орлова было горько.

– Петр... – начал он.

– Я еще не все сказал, – тихо перебил Орлов. – Если ты откажешься... а я знаю, что ты откажешься, упрямая скотина... то давление будет уже не административным. Будут копать на тебя все. Каждую служебную командировку, каж-

дое закрытое дело, каждый условно-досрочно освобожденный по твоим ходатайствам. Найдут «нарушения». Возбудят дело о превышении. Или о халатности. Или еще о чем. Тебя выдавят. А если и это не сработает... – Орлов сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на страх. – Лева, они убили инженера и обрушили здание, чтобы скрыть это. Они не остановятся перед тем, чтобы устранить помеху в лице полковника. У них есть для этого люди. Такие же холодные и эффективные, как Рыков.

Гуров вздрогнул. Орлов назвал имя. «Рыков». Из краткого свода. Помощник Куратора. Значит, Орлов знает больше, чем показывает. Значит, он уже погрузился в эту историю с головой, пытаюсь защитить нас.

– Я не могу, Петр, – тихо, но очень четко сказал Гуров. – Я видел тело. Я читал заключение Подольского. Я держал в руках осколок пластика с его раны. Это убийство. И если я закрою на это глаза, то кто я после этого?

Орлов закрыл глаза, помассировал переносицу.

– Я знал, что ты так скажешь. Черт бы тебя побрал с твоими принципами. – Он открыл глаза, и в них читалась решимость. – Ладно. Значит, будем воевать. Но по правилам. Твоим правилам – законным. Ты ищешь зацепку? Ищи ее не в показаниях, их не будет. Ищи в бумагах. В их собственных, идеальных, отлаженных документах. В каждом алгоритме есть сбой. Найди его.

Крячко ждал его внизу, у служебного входа, куря впол-

оборота к ветру. Увидев Гурова, он швырнул окурки.

– Ну что, Лева? Петр прочитал нам отходную?

– Наоборот, – ответил Гуров, закуривая свою сигарету. Холодный ночной воздух прочищал голову. – Дает карт-бланш. Но с условием: играем только по закону. Наша задача – найти в их документах юридическую лазейку. Что-то, что даст нам неоспоримое основание продолжать, даже если сверху придет приказ о прекращении.

Крячко фыркнул:

– Законно? С этими убожками? Они всю документацию уже сто раз переписали! У них там все гладко, как пятая точка младенца.

– Ничего не бывает идеально гладким, Станислав. Особенно когда спешат. Они спешили закрыть «несчастный случай». Значит, какие-то акты могли быть подписаны задним числом, какие-то номера могли сбиться, какие-то печати – поставлены не теми людьми. Нужно собрать все официальные акты сдачи-приемки работ по «Енисею» за последний месяц. Особенно те, что касаются бетона. Все, до единого. И начать их сверку. С журналами работ, с накладными, с графиками поставок.

– Это адский труд, – поморщился Крячко. – Тысячи бумаг.

– А у нас есть выбор? – Гуров посмотрел на него. – Либо мы находим у них формальную ошибку и используем ее как таран, либо они нас задавят административно. Орлов не

сможет прикрывать нас вечно, если мы не будем давать ему формальных козырей. Ему нужно что-то осязаемое, чтобы парировать их давление. Какой-нибудь кривой акт, подписанный с нарушением регламента. Это наш щит.

Крячко тяжело вздохнул, но кивнул. Он всегда ворчал, но делал.

– Ладно. У меня есть пара ребят в Ростехнадзоре, которые не в восторге от «СтройГаранта». Они могут помочь с копиями. Собственно, кое-что уже у тебя на рабочем столе, ты видел, наверное. И в самом «СтальИнвестПроекте» есть недовольные, кому надоело быть мальчиками для битья. Попробую вытащить внутренние отчеты. Но, Лева, если они поймут, что мы копаем в эту сторону... они могут попытаться эти документы уничтожить. Или подменить.

– Значит, нужно действовать быстро и тихо. И, Стас, – Гуров положил руку ему на плечо, – никакой самостоятельности. Никаких взломов, никакого давления на свидетелей. Только официальные запросы и оперативные возможности. Наша сила сейчас – в чистоте. Мы должны быть кристальны. Чтобы, когда они попытаются нас ударить, мы могли показать суду или комиссии безупречную картину: мы все делали по закону, а они – нет.

Крячко смотрел на него, и в его глазах Гуров прочитал понимание. Да, он был другим – импульсивным, иногда циничным, но он понимал правила этой игры. И доверял Гурову вести их по лезвию ножа.

– Я все понял, шеф, – сказал он, уже без иронии. – Буду белым и пушистым. Как ангел. И документы соберу. Если они там есть, я их найду.

– И осторожно. Если почувствуешь слезку или давление – сразу ко мне.

– Не волнуйся. – Крячко хлопнул его по плечу и направился к ждущему микроавтобусу, где за рулем дремал водитель Сергей. – У меня нюх на подозрительное. Поехал. Скоро утро.

Гуров вернулся в свой кабинет. Полночь давно миновала, но спать не хотелось. Он сел за стол, включил лампу и выложил перед собой все, что у них было на данный момент. Фотография Корнеева. Заключение Подольского. Копия кривого акта о несчастном случае, составленного до обнаружения тела. Распечатки телефонных звонков Корнеева за последнюю неделю – ничего подозрительного, только рабочие контакты. И пустой пакетик для образца – осколок пластика был в лаборатории на ДНК-анализе.

Он сидел в тишине, и перед его внутренним взором выстраивались два параллельных мира. Первый – официальный, гладкий, отлаженный. Мир отчетов «СтройГаранта», презентаций «СтальИнвестПроекта», визитов чиновников и браваурных репортажей в СМИ о ходе строительства. В этом мире все идет по плану, несчастный случай – досадное, но объяснимое происшествие, а расследование – формальность, которая скоро завершится. Это мир алгоритма, созданного

системой для самооправдания.

И второй мир – грязный, кровавый, пахнущий цементной пылью и страхом. Мир, в котором человек, обнаруживший правду, получает удар тупым предметом по голове. Мир, где тело везут на стройплощадку и прячут в бетоне, а потом подрывают опоры, чтобы тысячи тонн стали и бетона похоронили улику навсегда. Мир холодного, расчетливого зла, прикрытого первым, глянцевым миром.

Он взял стопку бумаг, которую Крячко принес еще днем – первые черновые копии некоторых актов сдачи-приемки, добытые через контакт в Ростехнадзоре. Он начал их просматривать, не вчитываясь в содержание, а обращая внимание на формальные признаки: даты, подписи, печати, номера.

И вот, в третьей по счету папке, его взгляд зацепился за акт от 13 марта. Акт о приемке выполненных работ по устройству монолитных конструкций 2 этажа секции «Б». Все стандартно: объем, стоимость, подписи подрядчика (Беляев) и заказчика (Корнеев). Дата подписания – 13 марта, 18:30. Но в журнале регистрации входящих документов «СтальИнвестПроекта», копия которого лежала рядом, этот акт был зарегистрирован 12 марта, в 16:15. За день до того, как он был подписан.

Сначала Гуров подумал, что это ошибка в журнале. Но проверил другие акты – там даты совпадали. Только этот один, критически важный акт о приемке бетонных работ, имел расхождение. Акт был зарегистрирован в журнале за-

казчика раньше, чем был подписан исполнителем и заказчиком.

Вот оно. Сбой в алгоритме. Они спешили. Им нужно было задним числом оформить приемку некачественного бетона, чтобы закрыть документооборот перед обрушением. Юрист, который составлял акт, или секретарь, который вносил его в журнал, перепутал даты. Или, что более вероятно, сам акт был подготовлен и «заброшен» в систему заранее, а подписи собирали потом. Но в суматохе не проверили журнал. Мелочь. Ничтожная мелочь. Но для юриста – золото. Потому что это прямое указание на фальсификацию документа. На то, что акт был составлен не в момент приемки работ, а позже, с определенной целью. И эта цель становится очевидной в свете убийства Корнеева, которое произошло на следующий вечер.

Гуров отложил бумаги. Сердце застучало чаще, но не от волнения, а от холодной, сосредоточенной ясности. Он нашел ее. Юридическую зацепку. Ту самую, которая даст им право не закрывать дело, а, наоборот, углубить расследование. Теперь, когда Орлову позвонит Галкин, генерал сможет сказать: «Извините, Виктор Семенович, но у нас есть признаки фальсификации документов, напрямую связанные с убийством. По закону мы обязаны это проверить». И это будет железный аргумент.

Гуров уже собирался позвонить Крячко, чтобы поделиться находкой, когда его взгляд упал на распечатку телефон-

ных звонков Корнеева. Рядом с датой 13 марта, вечером, за несколько часов до убийства, значился короткий, двухминутный звонок на номер, не принадлежащий ни «СтройГаранту», ни «СтальИнвестПроекту». Рядом с номером в скобках рукой оперативника, составлявшего справку, было карандашом выведено: «Зарегистрирован на физическое лицо. Рыков И. П.». Гуров замер. Рыков. Помощник Куратора. Звонил Корнееву в тот самый день, когда был подписан фальшивый акт. Совпадение? Вряд ли. Это была не просто зацепка в документах. Это была первая ниточка, ведущая прямо к убийце. Он медленно взял трубку, чтобы набрать Крячко. Взглянул на часы – и передумал: напарник, скорее всего, успел добраться до дома и уже спит. Время подвалило к двум часам ночи.

– Да и мне бы неплохо выспаться, – пробормотал Гуров себе под нос. Поднялся, убрал в сейф документы, закрыл дверь кабинета на ключ и отправился домой.

Глава 3

Наутро Гуров уже передумал звонить Стасу. Решил, что расскажет, что обнаружил, лично, когда тот появится на работе. После чего полковник вновь засел за бумаги. Он еще раз проверил распечатку телефонных соединений Корнеева. Имя «Рыков И. П.» выделялось среди рабочих номеров, как гвоздь в стене. Но сейчас нужно было действовать не как оперативнику, а как следователю. Интуиция кричала, что звонок Рыкова в день убийства – ключ. Но закон требовал сначала закрепить основание. Без процессуальной базы любое движение в сторону Рыкова будет незаконным, а значит – бесполезным. И опасно преждевременным.

Он медленно сел в кресло, переключив внимание с телефонной распечатки на стопку документов, которые Крячко принес вчера днем. Его тело ныло от усталости – полубессонная ночь, нервное напряжение после визита Беляева и разговора с Орловым давали о себе знать. Но мозг работал с холодной, почти машинной четкостью.

Он разложил бумаги перед собой в строгом порядке: сверху – вчерашняя находка, акт № КС-2/387 и журнал регистрации с расхождением в датах. Ниже – первое заключение судмедэксперта Подольского. Еще ниже – официальный акт о несчастном случае, составленный комиссией «СтройГаранта». И отдельно – свежая распечатка банковских выписок.

Включив настольную лампу, Гуров погрузился в изучение акта. Не просто чтение – сканирование. Каждое слово, каждая цифра, каждая подпись проходили через двойной фильтр: логический и юридический. Он искал хронологические разрывы, формальные нарушения, те самые микроскопические трещины в отполированной до блеска бюрократической маске. Бумаги шелестели под его пальцами, пахли типографской краской и чужой поспешностью. Все было ровно, подписано, заверено. Идеально. Слишком идеально. Они учли все, подумал Гуров. Давление, связи, контроль. Но в спешке всегда что-то упускают. Нужно найти эту занозу.

Дверь кабинета открылась без стука. Вошел Крячко, смахнув с плеч намокший снег. В руках он держал новую, толстую папку.

– Все, Лева, привез. То, что успели выдать в Ростехнадзоре до того, как у них, похоже, случился внезапный приступ забывчивости. – Он швырнул папку на стол. – Чувствуется лапка Галкина. Быстро они реагируют.

– Не быстрее нас, – не отрываясь от бумаг, сказал Гуров. – Посмотри на это.

Он пододвинул Крячко акт № КС-2/387 и журнал регистрации, открытый на нужной странице. Пальцем указал на две даты.

– Акт подписан 13 марта в 18:30. А в журнале входящих документов «СтальИнвестПроекта» он зарегистрирован 12 марта, в 16:15. За день до подписания.

Крячко нахмурился, вглядываясь.

– Может, ошибка в журнале? Секретарша перепутала?

– Проверил другие акты за этот период. Расхождений нет.

Только этот. Критический акт о приемке бетонных работ. Его зарегистрировали раньше, чем существовала его подписанная версия. Формальное нарушение правил документооборота. Признак фальсификации.

Крячко присвистнул.

– Маленькая такая зацепочка. Они скажут – описка.

– Описка, которая попадает под действие статьи 303 УК РФ. И которая напрямую связана с убийством Корнеева, который этот акт подписывал. Этого достаточно, чтобы отклонить любое требование о прекращении дела. Это наш щит, Стас.

Крячко сел в соседнее кресло, с видимым усилием переключаясь с оперативного мышления на юридическое.

– Хорошо. Щит есть. Что дальше?

– Сначала нужно закрепить эту нестыковку официально.

Гуров взял чистый бланк запроса.

– Мы направляем в «СтальИнвестПроект» официальный запрос с требованием предоставить оригиналы данного акта и журнала для проведения процессуальной проверки. Ссылаемся на статьи 144, 178 УПК РФ. Как только они его получают – любое уничтожение документов будет отдельным преступлением.

Он начал быстро заполнять бланк, его почерк стал чет-

ким, почти каллиграфическим. Каждое слово было снарядом.

– Параллельно ты связываешься со своим контактом в Ростехнадзоре. Неофициально. Просишь проверить, не поступало ли к ним аналогичного акта, и если поступал – какая дата стоит на их копии. И еще. Узнай, кто именно в «СтальИнвестПроекте» вел этот журнал 12 марта. Секретарь, делопроизводитель. Нам нужно с ней поговорить. Аккуратно.

Гуров отложил ручку и посмотрел на даты, выписанные на отдельном листе. 12 марта – регистрация акта. 13 марта – подписание и смерть Корнеева. 14 марта – обрушение. Они выстроили идеальный, на их взгляд, алгоритм. Но промахнулись в бюрократической хронологии. Оставили цифровую занозу.

– Понял, – кивнул Крячко, доставая телефон. – Журнал, секретарь. Аккуратно. А что с Рыковым? Ты видел распечатку?

– Видел, – холодно сказал Гуров. – Но пока – никак. Звонок Рыкова Корнееву – это лишь установленный контакт. Мы не знаем содержания разговора. Если мы сейчас начнем его прорабатывать, Галкин моментально узнает. Рыков – не цель. Он инструмент. Цель – Галкин и схема в целом. А для этого нужны документы. Документы, которые свяжут Галкина с хищениями, а хищения – с убийством. Рыкова мы возьмем, когда будем уверены, что сможем доказать его роль. Не раньше.

Крячко нахмурился, но спорить не стал. Он понимал логику.

– Ладно. Занимаюсь бумагами. Ты что будешь делать?

– Готовить запросы. И ждать.

Гуров взглянул на часы. Казалось бы, всего ничего посидели над бумагами, а было уже глубоко за полночь.

– Иди, Стас. Выспись хоть пару часов. Завтра будет жаркий день.

Крячко ушел. Гуров остался один. Тишина в здании главка после полуночи была особой – гудела низким гулким звуком систем вентиляции, поскрипывала старыми паркетными половицами. Он выключил верхний свет, оставив только настольную лампу. Вот она, главная сложность, думал Гуров, глядя на разложенные документы. Закон – инструмент. Но им можно пользоваться по-разному. Они используют его букву, чтобы убить дух. Моя задача – заставить букву работать на дух. Найти в их же идеальных бумагах изъян, который позволит докопаться до правды. Ирония в том, что приходится быть бухгалтером зла – скрупулезно сверять даты, искать арифметические ошибки в чужой преступной смете. Но только так можно выиграть. Не силой, а точностью. Не криком, а ссылкой на статью.

Он взял заключение Подольского, перечитал ключевой абзац: «...смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы, причиненной ударом тупого твердого предмета... Время смерти определено в интервале между 18:30 и 21:30

13.03...» Вот она, материальная основа. Смерть до обрушения. Убийство. Все остальное – логические построения. Но без этой экспертизы они были бы ничем.

Гуров взял бланк поручения на проведение дополнительных исследований. Нужно было запросить у Подольского уточнение: можно ли точнее определить временной интервал? Плюс – детальный анализ микрочастиц из раны. Все должно быть задокументировано. Он писал, и постепенно внутренняя рефлексия сменилась чисто технической сосредоточенностью. Он выстраивал процессуальную цепь, где каждое звено должно было быть крепким и законным.

Свет в окне стал сизоватым – предрассветным. Гуров дописал последний запрос, поставил подпись и дату. Внезапно дверь снова приоткрылась. На пороге стоял Крячко, с двумя стаканчиками кофе в руках.

– Не спал? – спросил Гуров, принимая стаканчик.

– Часок вздремнул в машине. Пока Сергей, наш водитель, караулил. Зато теперь информация есть. Пообщался с уборщицей «СтальИнвестПроекта». Лева, ее рабочий день начинается в шесть утра. – Стас кивнул на настенные часы, стрелки которых подходили к семи.

Крячко сел, удовлетворенно хлопнув по папке.

– Секретарша, которая вела тот журнал в «СтальИнвестПроекте», – Марина Валерьевна Сидорова. Проработала там восемь лет. На моих каналах охарактеризована как непьющая, ответственная, панически боится начальства. 12 марта,

в день регистрации, она по расписанию была на работе. Но! По словам уборщицы, в тот день после обеда к Сидоровой в кабинет заходил какой-то «строгий мужчина в хорошем костюме». После его визита Сидорова была «белая как полотно» и весь вечер дрожала. На следующий день она пришла с опозданием.

Гуров внимательно слушал, попивая кофе. «Строгий мужчина в хорошем костюме» – это мог быть юрист «Строй-Гаранта», а мог быть и Рыков. Давление. Запугивание.

– Хорошо. Но это пока слова уборщицы. Ненадежно. Нам нужно официальное показание самой Сидоровой.

– Я так и думал. – Крячко достал диктофон. – Поэтому я стогнял к ней домой. Неофициально.

– В шесть утра?! – озадачился Гуров.

– В начале седьмого, после беседы с уборщицей, – хулигански улыбнулся Крячко. И пояснил: – Ну а что, она уже на работу собиралась, окна горели.

– И?

– И ничего. Почти. Она не стала разговаривать, захлопнула дверь. Но успел сказать главное: что мы знаем про визит мужчины в костюме и про запись в журнале. И что ей грозит статья за соучастие, если она не даст показания. Вручил визитку. Сказал, что у нее есть время до десяти утра подумать. Потом мы придем с официальным вызовом.

Гуров покачал головой, но без осуждения. Методы Крячко были далеки от академических, но часто эффективны.

– Рискованно. Если она позвонит своим...

– Она не позвонит. Она напугана. И не своим начальством – тем мужчиной. Я это по глазам увидел. У нее взгляд заложника.

Гуров смотрел на своего напарника. Станислав Васильевич, вечный скептик, сейчас горел холодным, почти праведным гневом. Он не всегда понимал юридические тонкости, но безошибочно чувствовал ложь и страх.

– Ладно. – Гуров отставил стаканчик. – Значит, план такой. В восемь утра я отправляю все запросы. К девяти они их получают. В десять – мы с тобой едем к Сидоровой. Официально, с вызовом на допрос. Если откажется – будем применять меры привода.

– А Галкин? Беляев?

– Они узнают о наших запросах максимум через час. И начнут действовать. Но теперь у нас есть формальное основание – признаки фальсификации. Орлов сможет парировать их давление. А мы должны успеть до того, как они уничтожат следы или «уговорят» Сидорову. Скорость, Стас. Но скорость в рамках закона.

Рассвет за окном стал ясным, холодным. Гуров отправил курьеров с запросами, предварительно зарегистрировав их. Теперь каждый шаг был зафиксирован.

Они уже выходили в коридор, когда у Крячко зазвонил мобильный. Он посмотрел на экран, поднял бровь. Незнакомый номер. Ответил:

– Да, слушаю.

Гуров видел, как лицо Крячко меняется. Сначала насто-
роженность, потом удивление, потом сосредоточенность.

Он положил трубку и обернулся к Гурову.

– Это звонила Сидорова. Готова дать показания. Но не
здесь. Боится, что за ней следят. Просит встретиться в люд-
ном месте. В кафе на Киевском вокзале, через час. И, Лев, –
Крячко понизил голос, – она сказала ключевую фразу. «Я
видела, кто приносил тот акт на подпись Корнееву вечером
12 марта. И видела, с кем он потом уехал».

Гуров замер. Прямой путь к очевидцу. Война только что
перешла на новый уровень. Но теперь у них был законный
щит. И живой голос за ним.

– Поехали, – тихо сказал Гуров, направляясь к лифту. –
Но, Стас, помни – никакого давления. Она напугана. Наша
задача – не запугать еще больше, а защитить. Чтобы ее по-
казания были чистыми и неоспоримыми. Это теперь наша
главная улика.

Дверь лифта закрылась, увозя их вниз, навстречу новому
витку расследования, где юридическая зацепка должна была
превратиться в живую нить, ведущую к убийцам.

Глава 4

Ожидание ответа из дежурной части растянулось на три бесконечных часа. Гуров и Крячко молча сидели в служебном микроавтобусе, припаркованном в пятистах метрах от дома Сидоровой. В салоне пахло кофе из термоса и напряженной тишиной. Через окно с тонировкой было видно, как у подъезда мелькают огни милицейских машин, отражаясь на мокром асфальте.

– Поиск по стандартной схеме, – тихо сказал Крячко, глядя на планшет с поступающими отчетами. – Квартира чистая. Ни следов борьбы, ни крови. Сумка в мусоропроводе. Телефон и паспорт отсутствуют. Соседи ничего подозрительного не видели. Камеры во дворе – две штуки, обе нерабочие с прошлой недели. Удобно.

Гуров кивнул, не отрывая взгляда от окна. Его пальцы нервно постукивали по колену. Они опоздали. Система работала быстрее, чем он предполагал. Не бумажной волокитой, не угрозами через юристов – грубым физическим устранением свидетеля. Это меняло правила игры. Теперь это было не просто убийство Корнеева, а продолжающееся преступление.

– Ее не убьют, – сказал Гуров, больше для себя, чем для Крячко. – Не сразу. Она им нужна живой. Чтобы давить на нас. Или как разменную монету использовать.

– Если она вообще жива, – мрачно ответил Крячко. – Рыков не тот человек, который оставляет свидетелей.

Гуров не спорил. Но его внутренний анализ, холодный и методичный, подсказывал иное. Убить Сидорову было бы просто. Но похитить – сложнее и рискованнее. Значит, в этом был дополнительный смысл. Запугать. Показать, что они могут все. Или использовать ее как рычаг давления.

– Нам нужен новый ход, Стас. Они перекрыли один путь – мы идем другим.

Гуров повернулся к напарнику.

– Сидорова подтвердила цепочку: фальсификация акта – давление на Корнеева – его похищение. Это личностная сторона. Но есть и техническая. Обрушение. Они устроили его, чтобы скрыть тело. Но само обрушение – тоже улика. Нужно доказать, что оно было инсценировано.

Крячко хмыкнул, откладывая планшет.

– Техническая экспертиза уже есть. Отчет МЧС и строителей «СтройГаранта» – нарушение технологии, несчастный случай.

– Нам нужен независимый отчет. От специалистов, которых они не купят. И не просто отчет – детальный разбор. Как именно обрушили плиту. Какие материалы использовали. Что там было с бетоном.

– Центр судебных строительно-технических экспертиз? – предположил Крячко. – У них хорошая репутация.

– Нет. Слишком официально. Запрос туда сразу станет из-

вестен. На них надавит Галкин через министерство. Нужны частники. Специалисты с именем, которые не боятся. И которые могут работать быстро.

Гуров достал телефон, пролистал контакты. Его пальцы замерли на одном имени: «Прохоров И. В., к. т. н., НИИ-ИСМИ». Игорь Владимирович Прохоров, эксперт по строительным конструкциям, с которым они пересекались по делу о подряде на реконструкцию моста. Человек упрямый, педантичный и принципиальный до неприличия.

– Есть кандидат, – сказал Гуров. – Но работать придется неофициально. Пока.

Служебный микроавтобус выехал из спального района и через сорок минут остановился у невзрачного здания НИИ строительных материалов и инженерии на окраине Москвы. Контора Прохорова находилась в подвальном этаже, заваленном образцами бетона, арматуры и потрепанными научными журналами.

Сам Игорь Владимирович, мужчина лет шестидесяти с взъерошенными седыми волосами и живыми глазами за толстыми линзами очков, встретил их без особого энтузиазма.

– Гуров, опять проблемы с бетоном? – проворчал он, отодвигая со стола кипу бумаг. – В прошлый раз я вам месяц доказывал, что тот мост развалился не из-за урагана, а из-за экономии на цементе. Меня потом полгода в комиссию не приглашали. Высокий чин из Минстроя тогда лично намекал, что я слишком усердствую. Но факты – упрямая штука.

– В этот раз масштаб больше, Игорь Владимирович, – сказал Гуров, занимая стул. – Федеральный технопарк «Енисей». Частичное обрушение перекрытия. Официальная версия – нарушение технологии. Наша – инсценировка для сокрытия убийства.

Прохоров снял очки, протер их краем халата.

– Обрушение уже было? – спросил он, и в его голосе появился профессиональный интерес.

– Да. Три дня назад. Площадь около двухсот квадратов. Сейчас там идет расчистка. Но у нас есть фотографии с места, видео с камер наблюдения с периметра, копии актов приемки работ и...

Гуров сделал паузу.

– ...предварительное заключение судмеда. Тело нашли под плитой. Но смерть наступила за много часов до обрушения.

Эксперт медленно кивнул, надевая очки. Его пальцы потянулись к клавиатуре компьютера.

– Показывайте, что есть.

Следующие два часа Гуров и Крячко молча наблюдали, как Прохоров изучает материалы. Он листал фотографии, увеличивал отдельные фрагменты на экране, ворчал себе под нос, делал пометки на листке. Иногда спрашивал что-то коротко и по делу: «Какая марка бетона по проекту?», «Толщина плиты?», «Армирование – верхнее или нижнее?», «Где именно находились временные опоры?» Крячко как мог от-

вечал на вопросы, сверяясь со своими записями. Гуров молчал, давая эксперту работать. Он видел, как лицо Прохорова становилось все более сосредоточенным, а потом – озадаченным.

Гуров наблюдал за педантичными движениями эксперта, за тем, как тот брал лупу, рассматривал сколы на фотографиях, выписывал цифры в блокнот. В этой методичной, почти механической работе была своя красота – красота неоспоримого факта. Бетон не лжет. Арматура не фальсифицирует показания. Они либо выдерживают расчетную нагрузку, либо нет. Вся человеческая ложь, угрозы, бумажные махинации разбивались о простой физический закон. Гуров всегда верил в такие доказательства больше, чем в показания свидетелей. Свидетель может испугаться, передумать, солгать. А образец бетона, добытый с места преступления, будет вечно хранить в своей структуре правду о том, что с ним сделали. Это был его оплот – тихий, неодушевленный, но абсолютно надежный.

– Странно, – наконец произнес эксперт, откидываясь на спинку кресла. – Очень странно.

– Что именно? – спросил Гуров.

– Вот смотрите.

Прохоров повернул монитор. На экране была фотография торца обрушившейся плиты.

– Видите характер излома? Он слишком... чистый. При настоящем обрушении из-за превышения нагрузки обычно

идет сложное разрушение: сначала трещины, потом скол, потом отрыв. Здесь же – почти ровная линия. Как будто плиту не довели до критического состояния естественным путем, а просто подрезали. И потом.

Он переключил на другую фотографию, где были видны те самые блоки из ячеистого бетона.

– Эти блоки. Они поставлены не как временная опора. Их поставили как точку приложения усилия. Чтобы создать контролируемый изгиб. Видите, они не под серединой плиты, а смещены к краю. Это расчетная позиция для создания максимального напряжения в определенном месте. Не строитель так поставил бы. Инженер. Или тот, кто хорошо изучил конструкцию.

Гуров чувствовал, как в груди возникает знакомое холодное напряжение. Это было то самое – техническое подтверждение его интуиции.

– Могло ли такое обрушение произойти случайно? – спросил он.

– Теоретически – да, если бы были грубейшие ошибки в проекте или монтаже. Но здесь...

Прохоров покачал головой:

– Слишком геометрично. И еще вот что.

Он достал из папки копию акта приемки бетонных работ.

– Марка бетона М500. Высокопрочный. Даже с этими блоками-опорами он должен был выдержать нагрузку еще какое-то время. Для гарантированного обрушения в нужный

момент нужно было либо сильно ослабить конструкцию, либо... использовать не тот бетон.

– Как проверить? – сразу спросил Крячко.

– Образцы. Нужны образцы бетона с места обрушения. И сравнить их с проектными характеристиками. И с теми партиями, которые были заявлены в накладных. Если будет расхождение... И арматуру. Нужно смотреть на срез – если ее перегревали или подрезали, это будет видно.

– Образцы мы можем достать, – сказал Гуров. – Но анализ нужно провести быстро и тихо.

Прохоров смотрел на них через стекла очков, и в его взгляде читалась внутренняя борьба. Он понимал риски. Но профессиональный азарт, а может, и что-то другое – обида на систему, которая годами игнорировала его заключения – перевесили.

– Ладно. Привозите образцы. Лучше несколько, с разных точек. И документацию по поставкам. Я посмотрю. Но официальное заключение я дам только по официальному запросу. Пока – это частная консультация.

– Этого достаточно, – сказал Гуров.

Пока они ехали за образцами, Гуров мысленно возвращался к отчету МЧС. «Нарушение технологии» – такой удобный, всепрощающий термин. Он списывал со счетов человеческий фактор, злой умысел. За ним прятались и халатность, и откаты, и убийства. Гуров не верил в несчастные случаи, когда на кону стояли миллионы бюджетных де-

нег. Случайность была прикрытием для расчета. Обрушение – идеальная ширма. Оно мгновенно превращало место преступления в зону техногенной катастрофы, запускало иную процедуру расследования, привлекало других специалистов. И главное – уничтожало доказательства. Под многотонной плитой исчезало все: и тело, и следы, и истинная причина. Это был не акт вандализма, а сложная, технически выверенная режиссура. И чтобы ее разгадать, нужно было мыслить не как следователь, а как инженер-преступник.

На улице уже темнело. По дороге обратно в главк Крячко связался со своими людьми на объекте. Через час у них в микроавтобусе лежали три запаянных полиэтиленовых пакета с осколками бетона и несколько отрезков арматуры, тайно взятых из уже вывезенной кучи обломков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.